

О. Н. ШЕВЦОВА

**ОБРАЗЫ НАРОДА В СЮЖЕТАХ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
Н. М. КАРАМЗИНА**

«История государства Российского» Н.М. Карамзина является одновременно и историческим трудом, и произведением русской литературы. Как литературное произведение оно содержит образы и сюжеты. К образам его относится образ народа, который у Карамзина оценивается по-разному.

Ключевые слова: *литературное произведение, сюжет, образ, монархия, народ, при-
соединение Великого Новгорода, опричнина Ивана Грозного, завоевание Сибири.*

Нынешний юбилей Н.М. Карамзина пришелся на время, когда методы филологической науки вызывают все больший интерес историков и находят применение в историческом исследовании. В полной мере относится это к истории самой исторической науки. И это не случайно, поскольку они позволяют выявить некоторые новые смыслы выдающихся трудов по истории, ставших достижением мировой культуры и культуры тех стран, где они возникали. Касается это также карамзинской «Истории государства Российского», которая занимает особое место в истории отечественной исторической науки и истории русской культуры вообще, в которой присутствуют скрытые смыслы, которые позволяют не только глубже понять автора, но и представить адресат этого выдающегося произведения. «Историю» Карамзина традиционно и с полным на то основанием относят к феноменам как зарождавшейся в то время в России исторической науки, так и русской литературы. В самом деле, в ней присутствует концепция, которая выступает как общий итог научного исследования, и образно-сюжетный строй, который характерен для произведений литературы. Причем между концепцией исторического труда и образно-сюжетным строем в «Истории государства Российского» имеется очевидное соответствие.

Общим местом историографии, относящейся к труду Карамзина, является утверждение о его монархической концепции. Для этого есть все основания, монархизм выдающегося историографа лучше всего передают его совершенно определенные высказывания из «Записки о древней и новой России»: «Самодержавие основало и воскресило Россию»¹, и вообще, «Самодержавие есть Палладиум России; целость его необходима для ее счастья»², а сама «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»³. Более того, как отмечал В.П. Козлов, говоря об «Истории госу-

---

¹ Карамзин 2010. С. 303.

² Там же. С. 344-345.

³ Там же. С. 284.

дарства Российского», «целостность труда Карамзина придала концепция, в которой определяющую роль играла идея самодержавия как главного фактора русского исторического процесса»⁴. Несколько ранее это подчеркивал советский историк А.М. Сахаров. «Монархизм общей концепции Карамзина несомненен»⁵, – указывал он. Другой советский историк М.А. Алпатов также обращал внимание на то, что для Карамзина характерно признание «российской монархии... как основополагающего... фактора всей русской истории»⁶.

Современники воспринимали «Историю» Карамзина не как научный труд, а как литературное произведение. Об этом прямо говорил один из них, заявлявший, что «Карамзина должна благодарить Россия не за историю, но за обогащение словесности многими превосходными, драгоценными историческими отрывками»⁷. Замечено было весьма точно. В этом произведении присутствуют такие важнейшие признаки литературного произведения и категории литературоведения, как сюжет и образы. Как категория литературоведения, образ является исключительно сложным и противоречивым феноменом, в котором объективное начало или знание о реальности прошлого или настоящего, или отдельных ее черт и сторон, сочетается с субъективным ее восприятием со стороны художника. Поэтому литературный образ представляет собой реальность (прошлого и настоящего), сформированную сознанием и воображением автора и нашедшую выражение в художественном (или научно-историческом) произведении. Что касается сюжета, то в этой категории выражается действенная сторона образа или образ в процессе его генезиса, развития и разносторонних связей.

«История государства Российского» имеет целый ряд связанных и иерархически выстроенных образов. Первым в их ряду выступает «государство Российское», которому и посвящено произведение в целом. Но поскольку в нем история государства не отделена от истории монархии, то образ государства в «Истории» неотделим от образа монархии. Наряду с этими главенствующими образами есть и другие образы разного уровня: явлений, событий и отдельных исторических личностей. Сюжет произведения охватывает ход истории государства от призвания варягов, которое было завязкой сюжета, до периода междоусобицы (поскольку последующий период историограф осветить не успел). Сюжет, в котором содержится художественное осмысление всей истории государства, отличается сложностью, а его повороты с неизбежностью обречены на повторение. В нем также присутствует целый ряд внутренних сюжетов, касающихся отдельных событий и явлений в русской истории.

---

⁴ Козлов 1988. С. 18.

⁵ Сахаров 1978. С. 97.

⁶ Алпатов 1985. С. 189.

⁷ Цит. по: Миллюков 2006. С. 245.

Завязкой сюжета «Истории государства Российского» является рассказ о призвании варягов, с которого, по Карамзину, начинается отсчет истории государства и российской монархии. Далее следовало продолжение, соответствующее киевскому периоду русской истории. Это, по Карамзину, была история боевой доблести, заполненная яркими княжескими образами. Но сюжет сложился таким образом, что Карамзин не мог перейти к кульминации повествования как к очередной и высшей стадии в развитии сюжета. Как показывал Карамзин, столь блестящее и вполне романтическое начало Киевской Руси, вполне соответствовавшее духу культуры романтизма, к которой относилось историческое творчество выдающегося историографа, сменилось трагедией. Видел ее Карамзин в упадке государства и монархии по вине князей, разменявших в пылу усобиц так необходимое для государства и монархии единство. Но историческая трагедия распада была многократно умножена трагедией варварского завоевания и установления ханской власти. Впрочем, и в трагедии монгольского завоевания Карамзин заметил первые, еще самые слабые признаки будущего возрождения в падении первенства Владимира в Северо-Восточной Руси, где зарождался будущий центр государства, взамен пришедшего в упадок киевского Приднепровья, и это открывало путь для последующего подъема Москвы, с которой в дальнейшем будет связан новый этап в развитии государства и монархии благодаря деятельности московской великокняжеской власти.

Кульминацией литературного сюжета карамзинской истории стало княжение великого князя московского Ивана III. При нем было завершено возрождение государства и монархии, причем в образе этого великого князя Карамзин видел идеал русского монарха, который, по его словам, «стоит как Государь на высшей степени величия»⁸. Однако до завершения повествования было далеко. Сюжет русской истории, созданный Карамзиным, выходил на новый круг, когда в следующем после завершения княжения Ивана III, при восторжествовавшем над своими противниками государстве и монархии, наметилась новая трагедия, завершившаяся Смутой, которая привела к повторному распаду государства и монархии в России. Несомненно, сюжетный круг должен был с неизбежностью повториться. Дальнейший ход его должен был вести к рассказу о повторном возрождении государства и монархии, когда развернулось бы повествование о стране при первых царях из новой династии Романовых. К этой части Карамзин подойти не успел. Однако развертывание его было им намечено в «Записке о древней и новой России».

Если в сюжете «Истории» главными образами было государство и монархия, то присутствие в нем образа народа далеко не столь заметно. Недостаток изложения истории без участия народа, общества, невозможность ограничивать историческое повествование только государ-

---

⁸ Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6. Стб. 215.

ством и монархией осознавали еще в эпоху Просвещения. Однако преодолеть этот недостаток историки в то время не могли. Общество, народ, как и отдельный человек, не относившийся к выдающимся личностям своего времени, оставались за пределами исторического повествования. Это было не случайно, историческая мысль была еще не на таком уровне, чтобы решать подобную задачу. Как указывал, объясняя это положение, Р.Дж. Коллингвуд, в сознании историков того времени «человеческая природа оставалась вечной и неизменной»⁹. Иначе говоря, подобный глубоко неисторический взгляд на человека не позволял перейти от истории государства к истории народа со сколько-нибудь достоверным ее изложением. Та же ситуация сохранялась в первой половине XIX в., что и было подтверждено конечной неудачей Н.А. Полевого, задумавшего альтернативную по отношению к труду Карамзина свою «Историю русского народа»¹⁰.

Однако Карамзин был не только историком, но и писателем, а в литературе ко времени Карамзина произошел переход от литературы классицизма с ее вниманием к выдающейся личности, выполняющей долг перед государством и ради этого готовой решительно отбросить свои личные интересы, к человеку из народа. Так наступила эпоха литературного сентиментализма. Классическим выражением сентиментализма в литературе оказалась повесть Карамзина «Бедная Лиза», главной героиней которой оказалась молодая крестьянка. Литературная критика, однако, не считает, что Карамзину удалось создать убедительный образ человека «из народа». Желание создать такой образ, интерес к такому человеку не соответствовал возможностям литературы сентиментализма, наделявшей своих героев чувствами и мышлением человека из другой общественной среды, к которой принадлежал сам автор. Только А.С. Пушкину в рамках вызревавшего литературного реализма удалось положить начало созданию таких образов, в частности, исторического образа Пугачева в «Капитанской дочке».

Таким образом, в культуре карамзинской эпохи возникло противоречие между стремлением к выражению истории народа, пониманием того, что без этого историческое и художественное познание было бы ограниченным, – и неготовностью к решению этой задачи, отсутствием представления о методе создания такой истории. «"Народ" присутствует в "Истории государства Российского" как зритель или непосредственный участник событий», – справедливо отмечал В.П. Козлов¹¹. Но эта роль либо выглядит явно неконструктивной, либо напротив, ограничивается действиями в поддержку монархической власти в ее мероприятиях по укреплению государства. Карамзин создавал также в отдельных внутренних сюжетах образ народа как спасителя государства.

---

⁹ Коллингвуд 1980. С. 80.

¹⁰ Шикло 1981. С. 105.

¹¹ Козлов 1988. С. 21.

Образ народа как силы, способной и готовой поддержать усилия монархии по объединению русских земель, но одновременно готовой противодействовать этому, отстаивая старину и традиционные вольности, представлен в рамках внутреннего сюжета о присоединении Великого Новгорода к формировавшемуся Российскому государству при Иване III. Карамзин писал, что сторонники сохранения независимости Новгорода, вдова бывшего новгородского посадника Марфа Борецкая и близкие к ней люди, уверяли новгородцев, что «Великий Новгород есть один себе властелин; что жители его суть вольные люди и не отчина князей Московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет только Казимир, и что не Московский, а Киевский Митрополит должен дать Архиепископа Святой Софии». В результате всего этого, по словам Карамзина, «Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: "да исчезнет Москва!"». И только «Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысяцкие, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан»¹², но безуспешно. И в решающей битве за независимость на реке Шелонь с московскими войсками Ивана III, как писал новгородский летописец, «соотечественники его бились мужественно»¹³, но в конечном счете потерпели поражение, что заставило их признать власть над Новгородом великого князя.

Но не лучше, согласно Карамзину, выглядел в связи с этими событиями и народ, проживавший в пределах территорий, подвластных великому князю московскому: пользуясь ситуацией безвластия в связи с падением новгородской государственности на территории обширных новгородских владений, «граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться»¹⁴. Народ в данном внутреннем сюжете выступает в образе темной силы, способной к бессмысленному грабежу.

Еще один случай, когда Карамзину удалось создать запоминающийся образ народа, относится к внутреннему сюжету об опричнине Ивана Грозного. Этот исключительно сильный сюжет, на первый взгляд, вступал в противоречие с монархической концепцией автора. Создавая образ Ивана Грозного, в котором развитие этого образа заключалось в превращении самодержца в тирана, историограф давал самую резкую оценку его царствованию. Говоря о впечатлении от карамзинского описания опричнины, выдающийся исследователь творчества Карамзина Н.Я. Эйдельман писал: «почти на каждой странице: казни, казни, сожжение пленных при известии о гибели Малюты; приказ уничтожить слона, отказавшегося опуститься на колени перед царем, семь жен Иоанна, опричные игры»¹⁵. Впечатление закономерное. Не случайно, как писал

¹² Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6. Стб. 20.

¹³ Там же. Стб. 22.

¹⁴ Там же. Стб. 31-32.

¹⁵ Эйдельман 1983. С. 121.

несколько ниже Эйдельман, по свидетельству декабриста Н.И. Лорера, некий член царствующего дома, возможно, Николай Павлович, будущий император, будто бы заявлял: «Карамзин помог догадаться русскому народу, что между русскими царями были тираны»¹⁶.

Но было среди современников и иное мнение. Выражая его, А.С. Пушкин писал: «"История государства Российского" есть не только создание великого мыслителя, но и подвиг честного человека»¹⁷. Несомненно, этот подвиг состоял, в частности, в создании образа царя-тирана. Честность же в том, что, создавая такой образ, к которому его вел исторический материал, Карамзин не побоялся бросить тень на свой образ монархии и на монархическую концепцию своего труда.

В то же время Карамзин нашел основание для защиты своей общей концепции даже при изображении Ивана Грозного как царя-тирана. Это произошло благодаря тому, что он во внутреннем сюжете об опричнине нашел место для образа народа. Царские подданные, по словам Карамзина, «превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною... не боялись смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастья добродетели, и что земное служит ей только искушением: гибли, но спасли для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная»¹⁸.

Карамзин создавал четкую оппозицию: царь-тиран, правивший «в ужасах душегубства»¹⁹, с одной стороны, и, с другой – народ, своим терпением спасавший государство и монархию от опасности, которую могли принести тирания и самодержавное душегубство. И если во внутреннем сюжете о присоединении Новгорода народ изображен в негативном свете, то в сюжете об опричнине, напротив, Карамзин создал позитивный образ царских подданных, или народа. Образ этот, однако, не может быть признан сколько-нибудь историческим. Объяснение Карамзиным народного терпения отражает вовсе не мышление современников Ивана IV, но монархические взгляды самого историографа и значительной части русского общества его времени. Да и сама похвала за терпение была, по меньшей мере, сомнительной²⁰.

Еще более позитивный образ народа создан Карамзиным во внутреннем сюжете, посвященном завоеванию казаками во главе с атаманом Ермаком Сибирского ханства. Это событие Карамзин признавал за нечто «необыкновенное, чрезвычайное»²¹, когда «горсть людей» с помощью своего преимущества перед сибирскими татарами в огнестрельном

---

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ Пушкин 1976. Т. 7. С. 239.

¹⁸ Карамзин 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 98.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Декабрист Н.И. Тургенев отзывался об этом рассуждении Карамзина «с негодованием». Волк 1958. С. 384.

²¹ Карамзин 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 226.

оружии «решила господство России от Каменного хребта до Оби и Тобола»²². Карамзин отмечал, что Ермак и казаки были ранее разбойниками, но «отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым», и ни сибирский хан Кучум, ни кто-либо иной «уже не мог отнять Сибирского Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием»²³. Во внутреннем сюжете о присоединении Сибири образ народа в лице казаков и их атамана Ермака приобретал значение не меньшее, чем образ государства и монархии, поскольку завоевание Сибири Карамзин считал заслугой казаков. Однако столь позитивный образ народа мог сложиться только потому, что казаки перестали быть разбойниками и решили задачу исключительной для государства и монархии важности, продвинув пределы России в Сибирь. Это и позволило им превратиться из разбойников в героев.

Образ народа в «Истории государства Российского», несомненно, присутствует, и появление этого образа не случайно. Во-первых, оно определялось стремлением исторической мысли еще в эпоху Просвещения выйти за пределы осмысления истории как результата деятельности выдающихся личностей и понять место в истории широких слоев населения, что соответствовало условиям формирования наций нового времени и национальной культуры. Во-вторых, интерес к народу, его истории и культуре усилился в русском обществе в связи с недавней войной против наполеоновской Франции, в которой роль народа была очень заметна и значительна. Образ народа вышел у Карамзина вовсе не столь однозначно положительным, как центральные образы его «Истории» – государства Российского и монархии. Настороженное, а иногда и просто негативное отношение историографа к народу определялось тем, что в народе он находил и силы, противостоявшие государству и монархии, а иногда – просто разбойников. Однако, если народ поднимался до способности решать задачи по спасению государства, его расширению и укреплению, то его оценки становились самыми позитивными.

Какой же скрытый смысл фундаментального карамзинского труда позволяет нам понять обращение к методу его анализа как литературного произведения? Этот смысл выявляется из образа народа. Как носитель культуры русского дворянства, Карамзин опасался народа, что было не случайно после недавнего восстания под предводительством Пугачева, прочно вошедшего в историческую память дворян и передававшегося в ней из поколения в поколение. Но в рамках этой же памяти допускался и такой вариант исторических событий, когда народ мог сыграть роль спасителя государства. Отсюда неоднозначность образа народа в «История государства Российского» и сложности на пути его понимания в позднейшей отечественной культуре.

---

²² Там же. Стб. 229.

²³ Там же. Стб. 240.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. М.: Книга, 1989.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 271 с.
- Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 459 с.
- Козлов В.П. Н.М.Карамзин – историк // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. М.: Книга, 1988. Кн.4. Сопроводительные статьи к репринтному изданию «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
- Милюков П. Главные чтения русской исторической мысли. М.: ГПИБ, 2006. 361 с.
- Пушкин А.С. Карамзин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 7. 398 с.
- Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1878. 256 с.
- Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А.Полевого. М.: Изд-во МГУ, 1981. 223 с.
- Эйдельман Н. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

REFERENCES

- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4-kh kn. M.: Kniga, 1989.
- Karamzin N.M. O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii // Karamzin N.M. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, 2010. 488 s.
- Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.). M.: Nauka, 1985. 271 s.
- Volk S.S. Istoricheskie vzglyady dekabristov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 459 s.
- Kozlov V.P. N.M.Karamzin – istorik // Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 4-kh kn. M.: Kniga, 1988. Kn.4. Soprovoditel'nye stat'i k reprintnomu izdaniyu «Istarii gosudarstva Rossiiskogo» N.M.Karamzina.
- Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. 485 s.
- Milyukov P. Glavnye chteniya russkoi istoricheskoi mysli. M.: GPIB, 2006. 361 s.
- Pushkin A.S. Karamzin // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10-ti t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. T. 7. 398 s.
- Sakharov A.M. Istoriografiya istorii SSSR. Dosovetskii period. M.: Vysshaya shkola, 1878. 256 s.
- Shiklo A.E. Istoricheskie vzglyady N.A.Polevogo. M.: Izd-vo MGU, 1981. 223 s.
- Eidel'man N. Poslednii letopisets. M.: Kniga, 1983. 176 s.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Южный федеральный университет; oksana_shevtsova@bk.ru

Images of the people in the plots of “The history of the Russian state” by N. M. Karamzin

“The history of the Russian state” by N. M. Karamzin is both a historical work, and a work of Russian literature. As a literary work, it contains images and plots. Images of the people, often described in various ways by Karamzin belong to this group. The image of the people by Karamzin helps one understand a hidden message of the work, namely, the fear of the people.

Keywords: literary work, plot, image, monarchy, people, acquisition of Veliky Novgorod, Ivan the Terrible, oprichnina, conquest of Siberia..

Oksana Shevtsova, PhD (Philology), associate professor, South Federal University; oksana_shevtsova@bk.ru